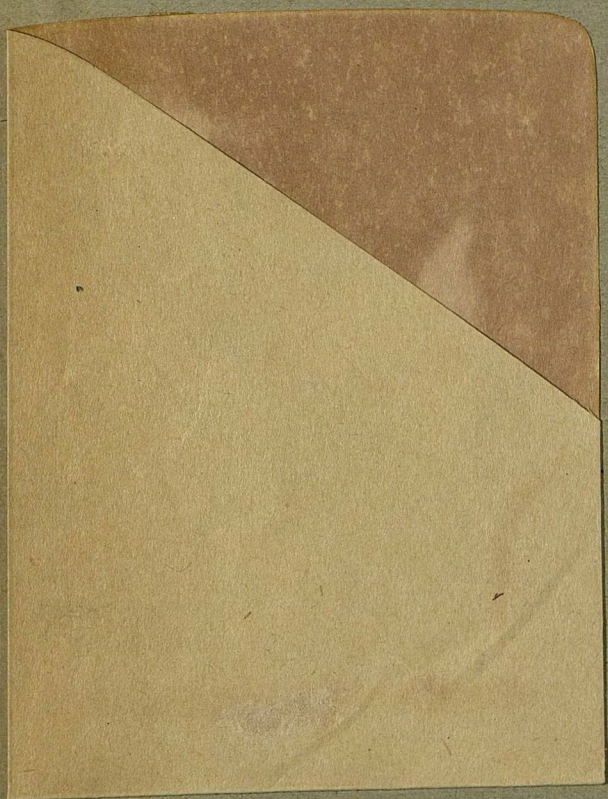

$$\sqrt[15]{112}$$

1892 N-12

$\frac{18}{12}$

$\frac{15}{112}$

11 13
112

ДЛЯ МАЛЮТКЪ

1892
1-12

EMIL GENCO

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“
ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ
журнала «ИГРУШЕЧКА».

1892

Я Н В А Р Ъ № 1.

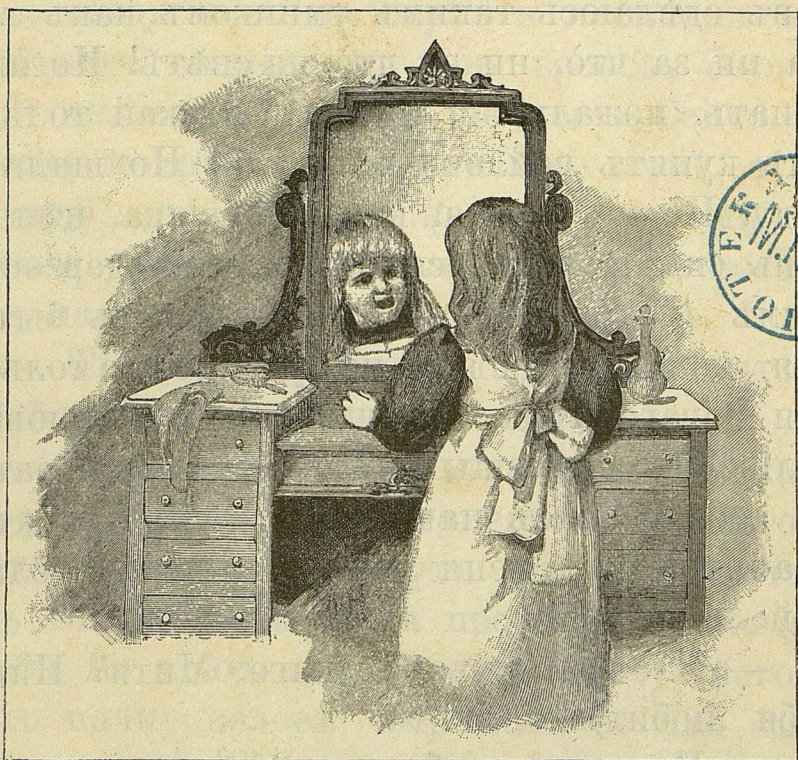
ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	СТР.
I. Постараюсь!.. <i>Бумъ-бумъ</i> . Съ рисункомъ въ текстѣ	1
II. Бѣлый дѣдъ. (Стих.). <i>Аполлона Коринфскаго</i>	5
III. —Пожалѣй насъ, — мы вѣдъ слабѣ тебя!.. Картинка на отдѣльной страницѣ	7
IV. Коть Мардарій и мышъ Степанида. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). <i>Н. Несмѣлова</i> . Съ двумя рисунками въ текстѣ	8
V. Домашній голубь. <i>А. К. Владиміровой</i> . Съ рисункомъ въ текстѣ.	13

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Сергіевская, д. № 26.

ПОСТАРАЮСЬ!..

— Неужели, Митя, и въ день новаго года ты будешь шалить и капризничать? Неужели тебѣ не надоѣло постоянно слушать, какъ говорятъ: «не шали», «не будь дерзкимъ», «не топай ногами», «не дерись съ Бубой».

— А неужели ты думаешь, — возражаетъ Митя Андрюшѣ, — что я въ нѣсколько ча-

совъ сдѣлаюсь такимъ умникомъ, какъ ты. Да ни за что, ни за что на свѣтъ! Ногами топать, пожалуй, я не буду, пускай только мнѣ купятъ войлочные туфли. Но шалить буду. Не могу же я, какъ дѣдушка, цѣлый день сидѣть въ креслѣ... Говорить дерзости Фимѣ и драться съ Бубой, можетъ быть, для новаго года я и не буду; но это только для новаго года. Посуди самъ, Андрюша: только что начнешь играть—хорошо играть, на тебя сейчасъ начинается Фима кричать, бранить... Она меня почему-то зоветъ «слюной», «фигурой».

— Что жъ тутъ обиднаго, Митя? Няня тебя любить.

— Какъ, что же обиднаго? «фигура», «слюна»! Оно, конечно, когда я кого-нибудь заслушаюсь, у меня часто слюни текутъ; но это совсѣмъ не ея дѣло,—наставница какая явилась...

— Ну, а зачѣмъ ты Бубу бьешь, она такая худенькая, слабенькая?!

— Бью я ее потому, что у нея одна нехорошая привычка есть...

— Какая привычка?

— А вотъ какая,—когда я рисую или пишу, она незамѣтно подкрадется, забе-

рется сзади меня на стуль и потихоничку начинаетъ вырывать у меня волосы. Этого я ей позволить никакъ не могу. Сейчасъ щелкну по рукѣ, она меня по головѣ, а я по лицу, она меня по носу, и такъ мы и деремся, пока не придетъ мама и не посадить насъ по угламъ на стулья.

— Ты старше, Митя, тебѣ семь лѣтъ, а Бубочкѣ всего четыре года...

— Четыре года! Нѣтъ, ты попробуй, какая у нея рука, точно каменная! И она говоритъ, когда ее накажутъ: «подожди, вотъ какъ только меня мама проститъ, я тогда у тебя не по одному волоску, а сразу много-много начну волосъ вырывать»... Что же по твоему я долженъ ей сказать: «милая сестрица, вырви у меня волосъ столько, сколько тебѣ нужно». На первый день новаго года я, можетъ быть, ей ничего не сдѣлаю. Ну а на другой день,—сколько она у меня вырветъ волосъ, столько и я у нея вырву.

— Что ты, что ты, Митя,—никогда не надо платить за зло зломъ... Ты можешь сказать ей, что тебѣ больно, непріятно, объяснить, что надо быть доброй... но бить, дергать волосы не надо...

— Вотъ еще, буду я съ такимъ комаромъ разговаривать... Мѣшаетъ она мнѣ, и вонь ее съ дороги!..

— А когда я учусь и ты мнѣ мѣшаешь своими шалостями, что я долженъ съ тобой сдѣлать?!

— Что?

— Да, что я долженъ сдѣлать съ тобой, чтобъ ты мнѣ не мѣшалъ?..

— Ну, я не знаю...

— Подумай хорошенько...

— Долженъ сказать: «Митя, прошу тебя, не мѣшай»...

— Ну, а если я разсержусь и, подойдя къ тебѣ, возьму тебя за уши и выведу изъ комнаты въ корридоръ, что тогда?..

— Тогда я тебя, пока ты меня будешь вести, заколочу ногами.

— А я тебѣ тогда свяжу руки и ноги и положу къ себѣ на постель и буду держать цѣлый день. Вѣдь я сильнѣе тебя и тебѣ со мной ни за что не справиться...

Митя, вмѣсто отвѣта, опустилъ голову и сказалъ: «Хмъ!...»

— Какъ же тебѣ больше нравится?— спросилъ у Мити Андрюша,—чтобы когда ты мнѣ будешь мѣшать, я тебя за уши

вывелъ или сказалъ: милый мой Мишукъ, иди, голубчикъ, не мѣшай мнѣ заниматься...

— Хорошо, такъ и быть, постараюсь быть добрымъ,—сказалъ Митя,—хотя знаешь, сразу нельзя; но я постараюсь ради новаго года...

Бумъ-буль.

БѢЛЫЙ ДѢДЪ.

(Посвящ. Ванюшѣ Бѣлоусову).

За стѣной мятелица бушуетъ,
Крутитъ снѣгъ и ставнями стучить...
У стѣны—въ постелькѣ бѣлоснѣжной—
Тихимъ сномъ кудрявый мальчикъ спитъ,—
Крѣпко спитъ и видитъ сонъ чудесный:
Видитъ онъ: склоняется надъ нимъ
Старый дѣдъ въ одеждѣ серебристой
Съ костылемъ тяжелымъ ледянымъ...
Ясный мѣсяцъ—шапкою у дѣда;
Борода сѣдая у него
До колѣнъ; глаза его сверкають
Даже ярче солнца самого...
Дѣдъ поетъ, и тихо пѣсня льется:
«Спи-усни, любимое дитя!
«Ясный день пошлю тебѣ я завтра,—
«Солнце выйдетъ на небо, блестя...
«Изъ окна увидишь ты повсюду
«Терема, палаты и дворцы,
«Передъ садомъ горы снѣговья,
«На деревьяхъ бѣлые вѣнцы...
«Это мы съ мятелью-внучкой, за-ночь—

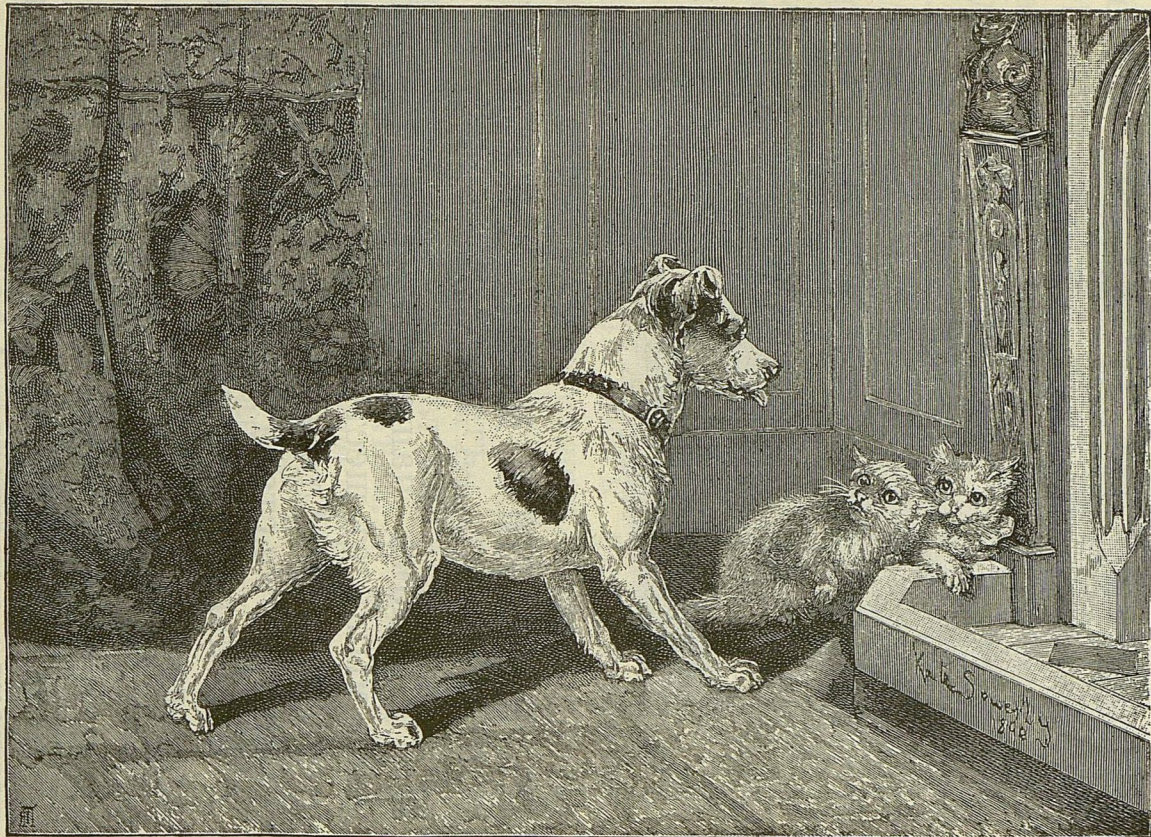
«Д Л Я М А Л Ю Т О К Ъ».

«До утра, настроимъ для дѣтей,—
«Чтобъ они рѣзвились и смѣялись
«День-деньской отъ дѣдовъхъ затѣй!..
«Встанешь ты, одѣнешься теплѣ
«И на санкахъ съ горки снѣговой
«Будешь завтра цѣлый день кататься,—
«Только къ ночи и уйдешь домой!..»
...Мальчиѣ спитъ... А за окномъ—работа
У мороза съ вьюгою кипитъ,—
Вьюга мечетъ снѣжные сугробы,
Старый дѣдъ сугробы леденить...
...Ночь прошла... Съ небесъ лазурныхъ солнце
Щедро сыплетъ золото лучей
На просторъ серебрянаго луга,
На ряды серебряныхъ аллей...
Старый садъ стоитъ—не шелохнется,
На деревьяхъ—бѣлые вѣтви;
Передъ садомъ—горы ледяныя,
За горами—снѣжные дворцы...
Мальчиѣ всталъ, взглянулъ въ окно и нянѣ
Шепчетъ тихо:

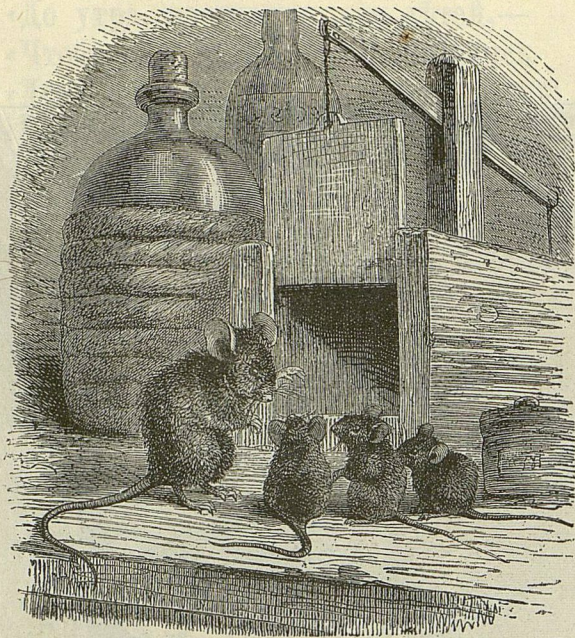
«Няня, посмотри:

«Это мнѣ все бѣлый дѣдъ настроилъ,—
«Онъ у насъ стоялъ здѣсь до зари...
«Обѣщалъ онъ дѣтямъ ледяныя
«Горы сдѣлать... Только я заснулъ,—
«Добрый дѣдъ принялся за работу
«И меня—смотри—не обманулъ...
«Такъ иди—скажи скорѣе мамѣ:
«Ванѣ нужно саночки кушать,
«Ваня нынче цѣлый день не будетъ
«Ни шумѣть, ни плакать, ни шалить!..»

Аполлонъ Коринфскій.

— Пожалѣй насъ, — мы вѣдь слабѣе тебя!..

КОТЪ МАРДАРИЙ И МЫШЬ СТЕПАНИДА.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Подъ поломъ нашей дѣтской какъ-то явилась мышь съ шестью мышатами. Наша няня назвала ее Степанидой, и мы съ сестрой Сашей тоже стали звать ее Степанидой.

— Коленька, слышалъ, какъ нынче ночью гуляла около твоей кровати старая Степанида, возилась съ стеариновымъ огаркомъ,— сказала мнѣ разъ утромъ няня.

— Я даже видѣлъ изъ-подъ одѣяла всѣхъ ея мышатъ—хорошенькіе!..

— Какіе, Коля? Чтó ты не разбудилъ меня?—приставала ко мнѣ сестра Саша.

— Не спи и увидишь... соня ты!.. Какіе? маленькіе... съ мизинецъ... дымчатые... хвосты длинные... глаза свѣтлые... мордочки смѣшныя... Долго возились они съ огаркомъ: катали его по полу, вырывали другъ у друга, подбрасывали вверхъ, какъ мячъ, и ловко ловили... а мать ихъ, Степанида, сидѣла тутъ же и караулила. Какъ только скрипнула дверь, вошла бабушка, — Степанида пискнула и бросилась въ уголъ, за ней умчались всѣ мышатки, я ихъ ждалъ-ждалъ, — не вышли, такъ и заснулъ...

— Что это нашъ Мардарій смотритъ?!. закармлили вы его... вотъ онъ день-деньской спитъ, а ночью гуляетъ по крышамъ, — ворчала няня.

— И пускай гуляетъ... мышкамъ и поиграть нельзя въ дѣтской... подъ поломъ имъ темно, тутъ свѣтлѣе... и ѣсть имъ тоже хочется, тамъ нечего ѣсть...

— Смотри, они и васъ съ сестрицей съѣдятъ безъ Мардарія-то! — причитала няня.

— Ты скажешь тоже, — маленькія мышки — насъ, большихъ, съѣдятъ!..

— Они грызуны... изгрызутъ и сапожки, и платье... заберутся и въ кровать... цапнутъ за носъ — вотъ и останетесь безъ носа...

Нашъ котъ — толстый, большой, бѣлый, — прозванный тоже няней Мардаріемъ, — поч-

тенный котъ—больше лежалъ у печки и сапѣлъ себѣ подъ носъ. Привяжешь, бывало, ему бумажку къ хвосту,—думаешь: вотъ онъ поиграетъ съ ней—а Мардарій чуть-чуть подниметъ голову, чуть-чуть глазомъ поведетъ, дернетъ лапой за бумажку, оторветъ ее и такъ высоко вскинетъ лапу къ верху, точно погрозить ей: «дескать не балуй, не люблю я глупостей... мнѣ покой дороже всего!» и снова закроетъ глаза и сапитъ себѣ, сапитъ.

Но нянѣ вѣрно надоѣла возня старой Степаниды съ ея мышатами, и она какъ-то ночью заперла кота Мардарія въ дѣтской. Лампадка у образовъ тускло горѣла. Няня уже храпѣла; Мардарій мирно лежалъ у бѣлой изразцовой печки и сапѣлъ себѣ; намъ съ сестрой Сашей не спалось, сначала мы перешептывались, а потомъ замолкли. Чу—въ углу, за Сашиной кроватью, тихо зашуршало. Минута, и вышла мышь Степанида съ шестью мышатами. Мышатки суетливо обѣжали мать, живо вспрыгнули на табуретку. «Саша, не спишь?»—шепнулъ я. «Вижу»... шопотомъ отвѣтила она. Мышата были уже на столѣ. Мардарій зашевелилъ бѣлой головой, видно было, какъ поднялась тѣнь его на бѣлой печи; онъ потянулъ ноздрями воздухъ. Мышата рылись въ моихъ тетрадкахъ, въ рисункахъ на столѣ,—точно

искали тамъ интересныхъ стишковъ; одинъ пискнулъ и потащилъ леденецъ—его забыла Саша—за нимъ бросились остальные. Они прыгали на столъ, вырывали другъ у друга леденецъ. Мышь Степанида ударила лапкой по головѣ того, который пискнулъ, и всѣ разомъ бросились прочь со стола; передній, отбиваясь, еле-еле тащилъ длинный леденецъ, — всѣ бѣжали прямо къ печи. Я ахнулъ, Саша тихо заплакала; но толстый Мардарій, точно большой мячъ, разомъ грузно налегъ на всю кучу мышатъ и засапѣлъ... Я былъ пораженъ и поднялся въ кровати, — мышь Степанида, бѣжавшая за своими мышатами, не бросилась подъ кровать; но отчаянно вскочила на голову Мардарія и впилась ему прямо въ мясистый лобъ, — Мардарій перекатился впередъ, поднялся на заднія лапы, передними лапами сцѣпилъ мышь Степаниду, крѣпко сжалъ ее и бросилъ на полъ — она была мертва; четверо мышатъ выскользнули изъ-подъ Мардарія. Саша съ громкимъ ревомъ сползла съ своей кровати и побѣжала къ Мардарію; но было уже поздно: двое мышатъ лежали неподвижно, одинъ изъ нихъ лапкой придерживалъ на груди леденецъ. Мардарій сидѣлъ надъ мышью Степанидой, наложивъ на нее лапу, точно охранялъ ее, и мурлыкалъ тихо: «мало, мало, мало!...»

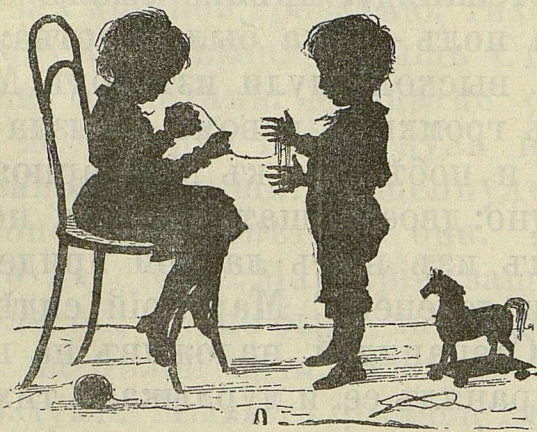
— Чтò вы?.. Чтò вы, дѣти?.. Господь съ вами—чтò поднялись въ глухую полночь!.. И чтò ты, Сашенька, плачешь?

— Степанида... Мардарій... онъ задушилъ ее, няня!—сквозь слезы говорила Саша...

— И-и, свѣтъ мой... горя-то нѣтъ настоящаго у тебя... о мыши Степанидѣ плачешь... На то и котъ въ домѣ, чтобы мышь не шалила... Страху на нихъ не было, вишь развозились... Лѣнивъ нашъ Мардарій, а службу свою знаетъ...

До утра мы не могли заснуть съ Сашей; но съ тѣхъ поръ мышей мы уже не видѣли... Пропали, ушли куда-то четыре мышенка... перекочевали видно туда, гдѣ не было ни одного Васьки, ни одного Мардарія, а—можетъ быть—вскорѣ попали они тоже въ лапы какому-нибудь Мардарію.

Н. Несмѣловъ.

ДОМАШНІЙ ГОЛУБЬ.

— У нашихъ голубковъ теплый домикъ, со спальнями и постельками, какъ у насъ!— говорила Варя.— Дождь ли, снѣгъ ли идетъ, громъ ли гремитъ, и гдѣ бы голубки ни летали, они спѣшати къ намъ, чтобы укрыться въ домикъ. Хорошо, что папа велѣлъ его устроить для такихъ милыхъ птичекъ! Мы ихъ кормимъ и овсомъ, и зернами, у нихъ такія хорошенькія, теплыя гнѣзда—почему же, Вася, когда подарили мнѣ бѣлаго голубка, онъ тутъ же улетѣлъ изъ голубятни?

— Потому,—отвѣчалъ старшій братъ,— что голубь больше всего въ мірѣ любитъ то мѣсто, гдѣ онъ родился. Какъ ты его ни корми, онъ все-таки улетитъ къ себѣ, хотя бы пришлось пролетѣть ему сотни верстъ.

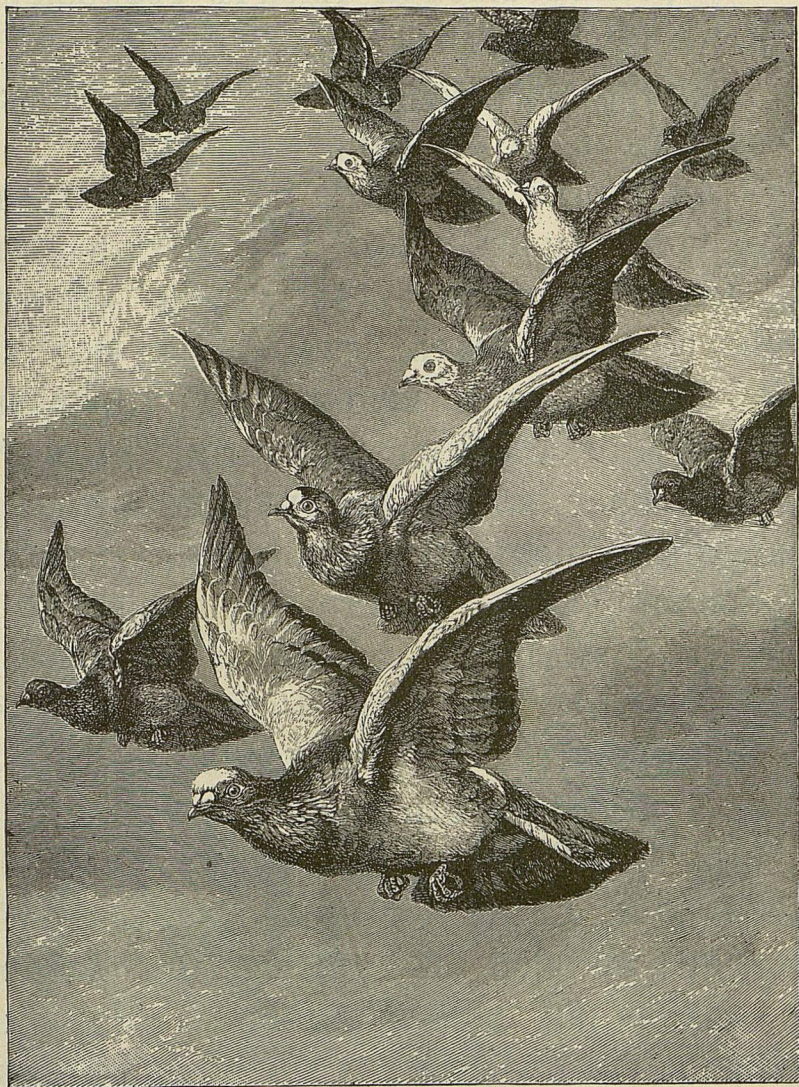
— Вотъ этого я и не понимаю, Вася: мама говоритъ, что съ голубями еще древніе народы пересылали свои письма—какъ же они ихъ доставляютъ? вѣдь они не умѣютъ читать. Кто же имъ скажетъ, куда нести письма? И почему они не заблудятся? Положимъ, голуби могутъ высоко взвиться и видѣть издали свои голубятни, но когда они ихъ не видятъ, почему знаютъ, гдѣ ихъ домъ?

— Никто голубю ничего не скажетъ и не укажетъ, — продолжалъ Вася: — онъ летитъ неудержимо, точно его кто-нибудь тянетъ къ родному гнѣзду, какъ бы оно далеко ни было. Такъ и пересылаютъ почту: голубей посылаютъ съ письмами именно въ то мѣсто, гдѣ они родились. И посольство торопится, летитъ ужасно быстро: голубь любить нѣжно своихъ товарищей. Ты знаешь басню дѣдушки Крылова: «Два голубя, какъ два родные брата, жили, — другъ безъ друга они не ѣли и не пили» и пр. Это такъ и бываетъ: голуби между собой до того дружны, что дѣлятся всѣмъ другъ съ другомъ и ссоръ между ними не бываетъ. Нѣтъ птицы болѣе любящей и кроткой.

— И какъ они ласково воркуютъ! какъ они милы и нѣжны! — говорила Варя, любясь голубями.

— А какъ они заботятся о своихъ дѣтяхъ!.. Когда птенцы вылупляются изъ яицъ, отецъ и мать кормятъ ихъ только молочкомъ, которое готовятъ для нихъ въ своихъ зобахъ; потомъ даютъ имъ зернышекъ, тоже согрѣтыхъ и размягченныхъ въ зобахъ; затѣмъ учатъ ихъ летать и всю жизнь съ ними не разлучаются. Есть мѣ-

ста, гдѣ голуби живутъ милліонами — это голуби перелетные, и когда ихъ стаи

Голуби перелетные.

двинутся всѣ вмѣстѣ густыми тучами, такъ что закрываютъ солнечный свѣтъ, то они

летятъ по цѣлымъ недѣлямъ. Въ это время ихъ убиваютъ множество. Тѣмъ не менѣе, въ такой перелетъ, тысячи тысячъ голубей садятся на рисовыя поля!

— Убиваютъ? стрѣляютъ ихъ—неужели? зачѣмъ же это?—спросила Варя.

— Да пойми же, вѣдь ихъ прилетаетъ много, очень много, и они быстро съѣдаютъ весь посѣвъ риса и другого зерна. Жители остаются, стало быть, безъ хлѣба. Эти кочевые голуби очень красивы: темносизые, съ длинными бѣлыми хвостами. Есть голуби еще красивѣе: съ коронками на головѣ, съ шейными перьями въ родѣ пѣтушьихъ, въ перелиночкахъ, съ стоячими воротничками, съ мохнатыми лапками. Но есть и безобразные голуби: на высокихъ ногахъ, съ огромными, выпуклыми животами.

— А все-таки это добрая, ручная птица!—рѣшила Варя.—Гуль, гуль, гуль!—закричала она, сходя съ крылечка, и голуби полетѣли къ ней съ крышъ, съ забора, изъ голубятни; одни сажались къ Варѣ на плечи, другіе на руки, на голову, и она ихъ гладила, ласкала, цѣловала.

А. К. Владимірова.

Редакторъ-издательница А. Н. ТЮФЯЕВА-ТОЛИВѢРОВА.

Дозв. ценз. Спб. 1 Января 1892 г.

Типографія А. М. Вольфа, Фонтанка 92.

